РУССКОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ

4.

О ПРЕОБРАЗОВАНІИ

ВЫСШАГО

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ

ПЕТРОМЪ I.

Аѳ. ВАСИЛЬЕВА.

Изданіе второе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Печатня М. П. С. (И. Н. Кушнерева ст. тов-щи), Фонтанка, 117.
1904.

РУССКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ

4.

О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ВЫСШАГО ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПЕТРОМЪ I.

Аѳ. ВАСИЛЬЕВА.

Изданіе второе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Печатня М. П. С. (П. П. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 августа 1904 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1444
30

Памяти

Владиміра (Владислава) Іуліановича

Хорошевскаго, —

лучшаго изъ учителей своего отрочества —

благоговѣйно посвящаетъ

Хр. Васильевъ.

О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I.

Отповѣдь на статью г. Z. «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи», напечатанную въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1891 годъ.

Вопросъ о значеніи произведенной Петромъ I перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи чрезвычайно важенъ и выясненіе его необходимо особенно потому, что онъ сильно затемненъ неумѣренными сторонниками и хвалебщиками совершенныхъ Петромъ I надъ русской жизнью издѣвательствъ и насилій. Со временъ Петра и донынѣ въ бюрократическихъ и литературныхъ кругахъ преобладаетъ такое настроеніе, по которому считается безусловно обязательнымъ, просвѣщеннымъ и похвальнымъ превозносить до небесъ и даже выше ихъ—до Сѣдящаго на небесахъ,—Петра I и всѣ его дѣла и поступки, не исключая самыхъ возмутительныхъ, кощунственныхъ и грязныхъ, и, наоборотъ, безпристрастное и разсудительное отношеніе къ личности и дѣламъ этого, во многихъ отношеніяхъ злополучнаго государя, — защита безъ нужды поруганной и разоренной имъ русской старины, въ которой не все же, однако, заслуживало разоренія и поруганія, въ упомянутыхъ кругахъ считается дѣломъ ретроградаго обскурантизма, и въ то же время — дѣломъ неблагонамѣреннымъ и чуть ли не возмутительнымъ и преступнымъ. Основаніе такому складу и строю мысли было крѣпко вколочено въ русскія головы еще самимъ Петромъ. Вопреки многимъ прекраснымъ словамъ его указовъ, требовавшимъ правдиваго и честнаго исполненія служебнаго долга, Петръ на дѣлѣ еще настойчивѣе того требовалъ отъ всѣхъ, его окружавшихъ и ему подвластныхъ, безусловной, рабской покорливости и лести. Наушничествомъ, потворствомъ и грубымъ ласкательствомъ, возвысились и держались при немъ не только свѣтскіе его любимцы и временщики какъ Меншиковъ, Толстой и Екатерина, но и наиболѣе вліятельныя духовныя особы: какъ охуждаемый г-мъ Z. Ѳеодосій Яновскій, такъ и превозноси-

мый имъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Эта петровская закваска до сихъ поръ всю нашу жизнь кваситъ; и до сихъ поръ: учителя и профессоры, составители историческихъ учебниковъ и многотомныхъ ученыхъ исторій, считаютъ почему-то своею обязанностью оправдывать и прославлять въ Петрѣ не только то, что дѣйствительно заслуживаетъ признательности и похвалы: его труженичество, его старанія усилить вещественное и военное могущество Россіи, его заботы о развитіи промысловъ и техническихъ знаній, пожалуй, его внѣшнюю политику и военныя удачи; но—и особенно тѣ его дѣла, въ которыхъ онъ былъ великимъ грѣшникомъ передъ Богомъ и Россіей, и которыя можно только замаливать, а не славить. Оправдываются и прославляются и ненасытная его жестокость, и прихотливыя его насилія, и неразборчивость средствъ; нелѣпая стрижка кафтановъ и бородъ и напяливаніе на русскихъ людей шутовскихъ камзоловъ и париковъ, его кощунственныя, развратныя и пьяныя потѣхи, пренебреженіе къ сыну и вѣроломное его убійство, и, наконецъ, беззаконное посягательство на церковный строй и духовную жизнь Русскаго народа. Сопротивленіе же русскихъ людей всему этому кровавому и растлѣвающему насилію и соблазну выставляется до сихъ поръ только какъ признакъ одичалой грубости нравовъ и закоренѣлаго русскаго невѣжества. Стихи 18-го вѣка о Петрѣ съ кощунственнымъ возгласомъ: «Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!» доселѣ предлагаются бѣдному русскому юношеству не какъ примѣръ неумѣреннаго и опрометчиваго ласкательства, а какъ образецъ подобавшей преобразователю поэтической хвалы!

Какое смѣшеніе понятій о добрѣ и злѣ, какіе растлѣнные нравы воспитываются подобною ложью! Не ей ли обязана Россія многими поколѣніями людей, презирающихъ свой народъ, его историческія и церковныя преданія,—безразличныхъ къ добру и злу, ставящихъ выше всего личный произволъ, глядя по обстоятельствамъ—свой или чужой, руководящихся въ жизни правиломъ, что «практически полезныя», хотя бы и сомнительныя въ нравственномъ отношеніи, цѣли оправдываютъ всякія для достиженія ихъ средства.

Нельзя не видѣть и того, что всѣ эти старанія оправдать и возвеличить петровскія насилія далеко не всегда искренни; въ иныхъ случаяхъ они представляются какъ бы вынужденными. Вотъ, напримѣръ, ученый трудъ, посвященный Духовному регламенту и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ Петра I. Сочиненіе это въ общемъ написано старательно и дѣльно и даетъ достаточно данныхъ и полную возможность

для справедливой оцѣнки вліянія этихъ узаконеній на нашу церковную жизнь. Пагубность этого вліянія не укрылась отъ сочинителя, и, не смотря на это, онъ въ каждой главѣ своего труда обязательно проникается «чувствомъ глубочайшаго уваженія», благоговѣніемъ къ тѣмъ самымъ мѣропріятіямъ, которыя самъ же признаетъ пагубными. Эта разладица автора съ самимъ собой, противорѣчіе вставочныхъ его сужденій и хвалебныхъ отзывовъ всему дѣловому содержанію книги свидѣтельствуютъ или о крайней его непослѣдовательности, или о вынужденности его хвалебныхъ вставокъ.

Статья г-на Z. въ «Р. В.» также полна противорѣчій и любопытна не новизною собранныхъ въ ней данныхъ, а черезчуръ уже безстыжею откровенностью взглядовъ на взаимныя отношенія государства и церкви, и ретивымъ стараніемъ представить въ исторіи этихъ отношеній черное бѣлымъ и свалить всю отвѣтственность съ больной головы на здоровую.

Статья г–на Z. начинается утвержденіемъ, что «перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ I, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей. Петръ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній: геніальный государь направилъ только ходъ вещей въ данномъ направленіи».

Нельзя сказать, чтобы основное положеніе статьи было высказано ясно и толково. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ этого положенія говорится, что перемѣна при Петрѣ высшаго церковнаго управленія была выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей, слѣдующія за тѣмъ слова даютъ поводъ заключить, что въ сущности никакой перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи при Петрѣ и не произошло, такъ какъ Петръ только узаконилъ то, что существовало въ нашемъ отечествѣ и до него, въ заключеніе же оказывается, что Петръ «только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи». Попробуемъ разобраться въ этомъ противорѣчіи!

Г-нъ Z. утверждаетъ, что перемѣна высшаго церковнаго управленія совершена Петромъ по требованію исторіи и «по разуму русскаго народа», т. е., по мнѣнію автора, произведенная Петромъ перемѣна соотвѣтствовала исторически сложив-

шимся взглядамъ и желанію Русскаго народа. Справедливо ли это мнѣніе г-на Z., и на чемъ онъ его основываетъ?

За выписаннымъ нами основнымъ положеніемъ идетъ у него слѣдующее разсужденіе: «русской исторической наукой отмѣчено, что всероссійскіе патріархи, поднявшись честію на ступень выше всероссійскихъ митрополитовъ, спустились по силѣ и обширности власти на ступень ниже своихъ предшественниковъ. Для того, чтобы всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ константинопольскимъ не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу. Этого-то на Руси и оказалось невозможнымъ достигнуть. Въ Греціи епархіи до того небольшія, что для епископа не нужны учрежденія, подобныя нашимъ консисторіямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, тамъ епископъ можетъ дѣлать все въ епархіи самолично, при помощи своего хартофилакса, архидіакона и вообще своихъ ближайшихъ довѣренныхъ клириковъ: со всѣми священниками въ приходахъ своего округа и со всею своею паствою онъ можетъ имѣть непосредственныя сношенія. Сама близость къ своей паствѣ у насъ при обширности епархій невозможна, и потому отъ начала Руси наше церковно-епархіальное устройство приняло другой видъ».

Остановимся пока на этомъ разсужденіи и отмѣтимъ его несостоятельность. Казалось бы, если близость епископа къ своей паствѣ вообще полезна и желательна, а при обширности епархій не возможна, то, чтобы осуществить желаемое, слѣдуетъ сдѣлать епархіи менѣе обширными. Поэтому, чтобы доказать свое положеніе о невозможности у насъ церковно-епархіальнаго устройства по образцу Константинопольской Церкви, не достаточно было сослаться на обширность русскихъ епархій, слѣдовало указать причины этого явленія и доказать, что раздѣленіе Русской Церкви на епархіи менѣе обширныя потому-то было не возможно. Простая же ссылка на обширность русскихъ епархій ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ.

«Надъ епископомъ въ Греціи», продолжаетъ г-нъ Z., стоитъ митрополитъ, епископъ главнаго города области, властвующій (не вездѣ) надъ епископами городовъ, находящихся въ зависимости отъ главнаго. Еще выше—власть патріарха, вѣдающаго своихъ митрополитовъ, а, по сложившимся историческимъ обстоятельствамъ, изъ четырехъ патріарховъ греческой церкви три поставлены въ такое отношеніе къ четвертому, что вселенскій патріархъ можетъ быть приравниваемъ къ папѣ римскому».

Въ этомъ разсужденіи г-на Z. прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неточность выраженій. Говорится постоянно «о Греціи», о «греческой церкви», между тѣмъ, въ дѣйствительности, у него идетъ рѣчь о Турціи и о четырехъ восточныхъ патріархіяхъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльную помѣстную Церковь, и всѣ онѣ вмѣстѣ одной «греческой» Церкви не составляютъ. Собственно же Греческая Церковь, во главѣ которой стоитъ нынѣ аѳинскій сунодъ, въ разсужденіе автора вовсе и не входитъ. Затѣмъ, отношенія константинопольскаго патріарха къ остальнымъ тремъ отнюдь не даютъ основанія и права приравнивать его къ папѣ римскому, ибо константинопольскому патріарху въ отношеніи трехъ другихъ восточныхъ патріарховъ, какъ и въ отношеніи предстоятелей другихъ православныхъ автокефальныхъ Церквей, принадлежитъ только первенство чести, а не главенство власти. Поэтому, дальнѣйшія разсужденія г-на Z. о «плѣнительности для воображенія идеи папства» и о томъ, что эта идея «предполагаетъ организацію монархическую, стройную, крѣпкую и сильную»—представляются не идущими къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что тутъ же заявляется, что «не папство, конечно, хотѣли завести у насъ, когда старались водворить на Руси порядки византійскаго высшаго церковнаго управленія». Столь же мало идетъ къ дѣлу и дальнѣйшее заявленіе автора о томъ, что, заводя упомянутые порядки, у насъ хотѣли имѣть для Церкви «новаго Константина и Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ». Если хотѣли имѣть новаго Константина, то, конечно, хотѣли имѣть его въ московскомъ царѣ, а не въ патріархѣ, и потому это желаніе нашихъ прадѣдовъ къ разсужденію автора объ объемѣ и силѣ патріаршей власти въ Россіи сравнительно съ властію всероссійскихъ митрополитовъ и константинопольскихъ патріарховъ никакого отношенія не имѣетъ.

Далѣе г-нъ Z. останавливается на трехъ попыткахъ «водворить въ Россіи византійскую законченность церковнаго управленія», именно—на постановленіяхъ: собора 1589 года—учредить подъ патріархомъ четыре митрополіи, шесть архіепископій и восемь епископій, собора 1667 г.—о томъ, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ подъ собою епископовъ по святымъ правиламъ, «ради конечнаго исполненія церковнаго», и—на предложеніи царя Ѳеодора Алексѣевича собору 1681 года о томъ, «чтобы каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а патріарху, отцемъ отцу,— имѣть многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю».

Объясненіе неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ г-нъ Z. находитъ въ челобитной митрополитовъ и архіепископовъ,

участвовавшихъ въ соборѣ 1681 г., царю Ѳеодору Алексѣевичу, въ которой они просили не дѣлать архіепископовъ и епископовъ подвластными митрополитамъ, «чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межь себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны». Въ этой челобитной русскихъ іерарховъ г-нъ Z. видитъ «дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ царями».

Цари Ѳеодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михаиловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ были «люди чувства и воображенія»; «такіе люди плѣняются внѣшностью предмета, а не его содержаніемъ». «Не въ этихъ вѣнценосцахъ сосредоточивался», по словамъ г-на Z., «современный имъ разумъ русской земли, и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ»; «управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, иногда стоящіе къ кормилу управленія не близко. Въ данномъ случаѣ, церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Ѳеодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи, противномъ разуму народа, митрополиты и архіереи, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей, и, такимъ образомъ, еще до воцаренія Петра сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и, вслѣдствіе этого, обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно, спокойно (?), что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ «разгласію, распрямъ и высости» среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло».

Прежде всего необходимо замѣтить, что заявленія о не-

успѣшности соборныхъ попытокъ ввести у насъ на Руси іерархическія степени въ епископскомъ чинѣ—не совсѣмъ вѣрны. Въ 1686 году, слѣдовательно, вскорѣ послѣ собора 1681 г. и приводимой авторомъ челобитной, подъ властію Московскаго патріарха было уже двѣнадцать митрополитовъ и въ числѣ ихъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Малыя Россіи, до того времени бывшій почти автокефальнымъ, ибо зависимость его отъ константинопольскаго патріарха выражалась въ полученіи благословенія уже по посвященіи. Этотъ іерархическій порядокъ, представлявшій собою только «конечное исполненіе церковное», не только не противорѣчилъ исторіи и разуму Русскаго народа, но, наоборотъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ его благочестивымъ взглядамъ и желаніямъ. И ужъ, конечно, государи Ѳеодоръ Іоанновичъ, Михаилъ и Алексѣй и Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Церкви съ гораздо большимъ правомъ могутъ быть почитаемы выразителями разума Русскаго народа, нежели «думцы» свѣтскіе—вродѣ Стрѣшнева, выучившаго свою собаку благословлять, и духовные—вродѣ Ѳеофана Прокоповича, укорявшаго въ своихъ проповѣдяхъ лицъ, имѣвшихъ мужество осуждать кощунственныя петровскія забавы. По словамъ г-на Z., опредѣленное направленіе церковному вопросу, разрѣшившееся петровскою реформою, дано было еще Иваномъ IV; авторъ умалчиваетъ о томъ, какія собственно дѣла Іоанна Грознаго сближаютъ его въ отношеніи Церкви съ Петромъ; но, конечно, г. Z. разумѣетъ не обращенія Іоанна IV къ соборамъ съ цѣлью устраненія разныхъ церковныхъ неустройствъ, ибо въ этихъ случаяхъ Іоаннъ дѣлалъ то же, что и другіе благочестивые московскіе государи до царя Ѳеодора Алексѣевича включительно. И такъ, говоря о томъ, что при Іоаннѣ IV церковный вопросъ принялъ уже совершенно опредѣленное и желательное, съ точки зрѣнія автора, теченіе, не разумѣетъ ли онъ расправу Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ? Но было бы уже слишкомъ большою наглостью утверждать, что это святоубійство было совершено «по разуму русскаго народа»!

Впрочемъ, изъ приведенной выше выдержки видно, что, по мнѣнію автора, требованія исторіи и разумъ Русскаго народа въ вопросѣ о строѣ нашей Церкви съ особенною ясностью выразились въ упомянутой челобитной архіереевъ и митрополитовъ собора 1681 года. Этимъ челобитьемъ митрополиты и архіереи «разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей, и еще до воцаренія Петра слѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе того обязательную форму», причемъ съ

изданіем регламента «въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена, и уничтожены всѣ поводы къ разгласію, распрямъ и высости».

Можно ли такъ беззастѣнчиво обращаться съ исторіей, съ общеизвѣстными и несомнѣнными ея свидѣтельствами, и можно ли быть произвольнѣе въ умозаключеніяхъ и выводахъ?

Духовный регламентъ представляется г. Z., какъ актъ, узаконившій и закрѣпившій то, чего желали и о чемъ просили русскіе митрополиты и архіепископы собора 1681 г.! Духовный регламентъ, по его словамъ, возвысилъ власть епископа и уничтожилъ всѣ поводы къ разгласію и распрямъ въ архіерейскомъ чинѣ! Но митрополиты и архіепископы собора 1681 г. заботились о сохраненіи самостоятельности епископовъ, о согласіи въ архіерейскомъ чинѣ и о мирѣ церковномъ. Эти ли цѣли имѣлись въ виду и достигались Духовнымъ регламентомъ? Авторъ именно это и утверждаетъ, но, чтобы показать, насколько ложны эти его утвержденія, обратимся къ Духовному регламенту, сдѣлаемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, относящихся собственно до архіерейскаго чина, а потомъ посмотримъ какой миръ и согласіе водворились въ архіерейскомъ чинѣ и въ самомъ духовномъ коллегіумѣ вслѣдъ за его учрежденіемъ.

Во второй части Духовнаго регламента, въ главѣ о дѣлахъ епископовъ, статья 14 говоритъ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ; и дѣло убо великое, но честь никаковая, почитай, въ писаніи знатная опредѣлена... Убо точію внѣшнее дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно и обряды таинъ святыхъ строити. Дѣло же внутреннее, еже обращати сердца къ покаянію и обновленію житія, есть единаго Бога, благодатію своею, чрезъ слово и тайнодѣйствіе пастырей, аки чрезъ орудіе, невидимо дѣйствующаго». Въ главѣ о посѣщеніи епископами городовъ своей епархіи въ ст. 1 предлагается имъ ѣздить по епархіи предпочтительно лѣтомъ, а не зимою, такъ какъ лѣтомъ кормы дешевле; при этомъ выражено, что епископъ можетъ, не въѣзжая въ городъ,—«не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства или гражданъ». Въ статьѣ 4-й той же главы предлагается епископу «тайно у меньшихъ церковниковъ и аще кто иный удобный покажется спрашивать, какъ живутъ пресвитеры и діаконы...»; въ ст. 8 сказано: «иныя дѣла и поступки, какъ священства, такъ и приходскихъ людей, могутъ быть утаиваемыя передъ епископомъ... и о таковыхъ

тайно и искусно провѣдывать». Въ ст. 10 предписывается о правленіи и поведеніи близкихъ къ городамъ монастырей «выспрашивать въ градѣхъ и селѣхъ отъ священства и мірянъ». Ст. 13 опредѣляетъ: «Да вѣсть всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, простой ли епископъ или архіепископъ или митрополитъ, что онъ духовному коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его довольствоваться долженъ». Ст. 14 предоставляетъ «всякому архимандриту, игумену, строителю, приходскому священнику, такожъ діаконамъ и прочимъ причетникамъ, свободно и вольно просить у духовнаго коллегіумъ суда на своего епископа, аще кто въ чемъ отъ него знатно изобличенъ будетъ. Такожъ, аще кто судомъ епископа своего не довольствуется, вольно ему чинить провокацію, сіесть переносить дѣло на судъ духовнаго коллегіумъ...» Наконецъ, ст. 15 опредѣляетъ: «долженъ будетъ всякъ епископъ дважды въ годъ (или какъ укажетъ о семъ коллегіумъ) присылать до коллегіумъ репорты, сіесть извѣщенія, о состояніи и поведеніи епархіи своей; все ли добрѣ или нѣкое неисправленіе есть, котораго онъ переставить не можетъ и для чего не можетъ. А хотябъ все добрѣ было, то обаче долженъ епископъ извѣстить въ коллегіумъ, что, славу Богу, все добрѣ. Но есть ли бы извѣстилъ, что все добрѣ, и отъинуду бы показалось, что нѣчто въ епархіи его дѣется суевѣрное, или и явно богопротивное, епископъ бы вѣдая тое утаилъ и до коллегіумъ не донеслъ, то самаго его позоветъ на судъ къ себѣ коллегіумъ и по довольномъ уличеніи подвержетъ его наказанію, яковое уставлено будетъ».

Итакъ, обязанности епископовъ сведены въ регламентѣ къ разнаго рода внѣшнимъ дѣйствіямъ, способы выполненія которыхъ самымъ подробнымъ и точнымъ образомъ указаны въ томъ же регламентѣ. Даже поученія къ духовенству и народу, которыя вмѣнялось епископамъ въ обязанность говорить при объѣздѣ епархій, должны были быть сочинены въ духовномъ коллегіумѣ, «понеже не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить», вѣрнѣе же для того, чтобы епископы не говорили при этомъ чего-нибудь лишняго, конечно,—съ точки зрѣнія составителей регламента.

Главнѣйшими обязанностями епископовъ по регламенту являются соглядатайство, тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе и доношенія духовному коллегіуму, которому епископы отданы въ полную власть тѣломъ и душой.

Апостольскія и святоотеческія правила и опредѣленія святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ оградили самостоя-

тельность епископовъ. Въ нихъ постановлено, что епископа судитъ только соборъ (Апост. 74, II Всел. Конст. 6); по невозможности же собраться собору, епископа судятъ двѣнадцать епископовъ (Карѳ. 12); если епископы области не возстановятъ порядка, то обвинители должны обратиться къ большему собору, впрочемъ, не иначе, какъ письменно, поставивъ себя подъ страхомъ одинаковаго съ обвиняемымъ наказанія, если окажутся клевещущими (Втор. Всел. 6); ежели судящіе разрознятся въ мнѣніяхъ, то епископъ митрополіи долженъ призвать на совѣщаніе нѣсколько епископовъ изъ ближайшей области (Ант. 14), и патріархъ не можетъ отрѣшить подвластнаго себѣ епископа безъ собора, но долженъ предложить его дѣло разсмотрѣнію собора въ своемъ присутствіи (Кѵрилл. 1).

Таковы каноническія опредѣленія о судѣ надъ епископомъ. Духовнымъ же регламентомъ постановлено, что не только простые епископы, но даже и президентъ самого духовнаго коллегіума, слѣдовательно, старѣйшій изъ архіепископовъ или митрополитовъ Русской Церкви, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ, подлежитъ суду того же коллегіума. Несомнѣнно: такой порядокъ суда надъ епископами доставлялъ не малое, по выраженію Духовнаго регламента, «угодіе», но только, конечно, не Церкви и ея пастырямъ!

Можно ли, въ виду всего этого, безъ зазрѣнія совѣсти, утверждать, что Регламентъ духовный возвысилъ достоинство и честь архіереевъ? И можно ли это законоположеніе, отнимавшее у епархіальнаго архіерейства всякую свободу и ставившее его въ полную, безгласную и рабскую зависимость отъ духовнаго коллегіума, приводить въ какую бы то ни было внутреннюю связь съ челобитною архіепископовъ и митрополитовъ 1681 г., цѣлью которой было оградить самостоятельность и согласіе архіерейскаго чина и миръ церковный?

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ встрѣчаются въ статьѣ г. Z все болѣе странныя сопоставленія. Приведя замѣчаніе митрополита Евгенія, сдѣланное имъ въ «Исторіи княжества Псковскаго», о томъ, что Петръ I, намѣреваясь учредить по новому регламенту Святѣйшій Сѵнодъ и всѣ россійскія епархіи, отложилъ пока степени ихъ, а хиротонисаніе митрополитовъ остановилъ вовсе, авторъ уже отъ себя продолжаетъ: «если, по мысли Петра Великаго, русская церковь, не переставая быть православною, можетъ оставаться безъ единоличнаго управленія, безъ патріарха и даже безъ митрополитовъ, то какой же образецъ, этотъ преобразователь имѣлъ передъ собою, когда предпринялъ создать новое положеніе не только для высшаго въ Россіи церковнаго управленія, но и для каждой россій-

ской епархіи? Высказывая въ 1-й части Духовнаго регламента о «винахъ» духовнаго коллегіума, какъ основной принципъ, что въ церкви правительство не монаршеское есть, авторъ (регламента) указываетъ на синедріонъ у евреевъ, ареопагъ въ Аѳинахъ и иныя въ томъ же городѣ правительствующія собранія, нарицаемыя дикастеріа». «Хотя», продолжаетъ г-нъ Z., «авторъ Духовнаго регламента и не договариваетъ,—что можетъ быть не требовалось порядкомъ и цѣлью изложенія,—до конца своей мысли, однако, его идеалъ церковнаго устройства виденъ. Это идеалъ первенствующей церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ».

Неожиданное открытіе! Духовный регламентъ, оказывается, возсоздалъ намъ идеалъ первенствующей церкви Христовой, не искаженной еще союзомъ и покровительствомъ государства!

Осуществись только вполнѣ мысль Петра, и мы имѣли бы теперь у себя церковь истинно-православную и апостольскую, не зараженную монархическимъ правительственнымъ началомъ, т. е.—не только безъ патріарха и митрополитовъ, но—если продолжить логически недовершенный планъ Петра и недосказанную мысль автора, то, конечно,—и безъ епископовъ.

Высказавъ, что всероссійскіе патріархи не равнялись и не могли, въ силу особаго склада русской жизни, равняться по силѣ и обширности власти съ константинопольскими патріархами; установивъ затѣмъ положеніе, что всероссійскіе патріархи значительно уступали въ силѣ и обширности власти предшествовавшимъ имъ всероссійскимъ митрополитамъ, и, наконецъ, что и власть самихъ русскихъ патріарховъ не росла, а умалялась, что попытки усилить ее надлежащимъ устройствомъ іерархическихъ степеней, по мѣстнымъ условіямъ, тоже не имѣли и не могли имѣть успѣха,—авторъ, въ противорѣчіе всему этому, признаетъ, однако же, что укрѣплявшемуся въ лицѣ Петра русскому самодержавію необходимо было нанести рѣшительный ударъ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ, будто бы, опасностію самому государству. «Такимъ необходимымъ», по логикѣ автора, «ударомъ было уничтоженіе патріаршества съ указаніемъ въ Духовномъ регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ полной невѣжества».

Авторъ вполнѣ, конечно, убѣжденъ въ справедливости приведеннаго имъ изъ Духовнаго регламента объясненія опасности, грозившей государству отъ единоличной духовной власти. «Петру Великому»—заключаетъ г-нъ Z. вторую главу своей статьи,—«не оставалось другого исхода, какъ только, не

касаясь основного церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учрежденнаго собора вѣрноподданическою присягою».

Но, если, по вѣрному, въ этомъ случаѣ, признанію г-на Z., власть константинопольскаго патріарха несравненно обширнѣе и сильнѣе власти бывшихъ всероссійскихъ патріарховъ,—и она оказывается нисколько не стѣснительною даже для самовластія турецкихъ султановъ,—если за тѣмъ со властію всероссійскихъ митрополитовъ, которая также была шире и сильнѣе власти всероссійскихъ патріарховъ, жили въ мирѣ и добромъ согласіи князья удѣльные и великіе, власть которыхъ уступала, конечно, власти позднѣйшихъ московскихъ самодержцевъ, то какимъ же образомъ изъ этихъ посылокъ можетъ вытекать заключеніе объ опасности для московскаго самодержавія патріаршаго управленія и о необходимости его уничтожить? Далѣе, въ чемъ заключалась эта опасность для государства, которою оправдывается въ глазахъ автора измѣненіе нашего церковнаго строя?— Онъ этой опасности со стороны патріаршаго управленія не указываетъ, да и не можетъ указать. Кромѣ выписки изъ Духовнаго регламента, къ которой мы еще возвратимся, онъ ссылается только на отлученіе устюжскимъ архіепископомъ Александромъ отъ Церкви воеводы Кикина за служебныя его дѣйствія во исполненіе указовъ Петра, да на извѣстныя слова царевича Алексѣя Петровича, сказанныя имъ въ нетрезвомъ и разстроенномъ состояніи *). Но въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о патріархѣ, а объ архіереяхъ и потому, если придать имъ такое важное значеніе, какого они не имѣли, то по нимъ можно было бы заключить о необходимости уничтожить не патріаршество только, а и весь архіерейскій чинъ!

Переходя къ разсмотрѣнію доводовъ въ пользу произведенной Петромъ перемѣны церковнаго управленія, заимствованныхъ г-номъ Z. изъ Духовнаго регламента, мы предварительно замѣтимъ, что утвержденіе, будто-бы авторъ Духовнаго регламента имѣлъ передъ собой идеалъ первоначальной Церкви Христовой, является совершенно произвольнымъ. Если-бъ это было дѣйствительно такъ, то составителю регламента естествен-

*) «Когда мнѣ будетъ время безъ батюшки, тогда шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ, тогда они (петровскіе временщики) меня нехотя владѣтелемъ учинятъ».

нѣе и цѣлесообразнѣе было бы сослаться въ оправданіе своего духовнаго коллегіума на примѣръ первенствующей христіанской Церкви, нежели на іудейскій синедріонъ и языческій ареопагъ и дикастеріи. Впрочемъ, вѣдь и Лютеръ и другіе протестантскіе реформаторы, разоряя церковь, полагали, что они преобразовываютъ ее по примѣру первенствующей Церкви Христовой. По ихъ слѣдамъ и наши ересіархи и сектаторы, включая сюда и графа Льва Толстого, совершенно отрицающаго Церковь, и автора разсматриваемой статьи о высшемъ церковномъ управленіи, господина Z., не сочувствующаго въ ней только патріаршему и митрополичьему чину, — въ оправданіе своихъ нападеній на Церковь и ея іерархію, ссылаются, конечно, недомысленно или облыжно, на первоначальное ея положеніе и устройство до четвертаго вѣка, когда-де она не была еще въ союзѣ съ государствомъ.

Можно, конечно, держаться всякихъ мнѣній, но, чтобы остаться добросовѣстнымъ, нужно называть вещи ихъ собственными именами. Напримѣръ, свои собственные вымыслы не слѣдуетъ выдавать за Христово или апостольское благовѣствованіе, или воззрѣніе на церковную власть, не имѣющее ничего общаго со взглядомъ Церкви апостольской, не слѣдуетъ называть древне-церковнымъ и придавать значеніе вещамъ совершенно обратное тому, какое онѣ въ дѣйствительности имѣли и имѣютъ. Между тѣмъ, это-то послѣднее именно и сдѣлали составители Духовнаго регламента въ объясненіи «винъ» своего духовнаго коллегіума, и это же самое продѣлалъ, по ихъ примѣру, г-нъ Z.

По православному понятію, основанному не на заимствованныхъ у Византіи порядкахъ, а на священныхъ соборныхъ и святоотеческихъ опредѣленіяхъ, Церковь Константинопольская, какъ и другія помѣстныя Церкви Православнаго Востока, имѣющія патріарховъ съ подчиненною имъ лѣствицею архіерейскихъ степеней—митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, — въ существѣ своего церковнаго строя ничѣмъ не отличается отъ первенствующей христіанской Церкви, получившей этотъ строй отъ самого Христа и Его ближайшихъ учениковъ—апостоловъ. Вселенскіе патріархи въ отношеніи степени присущей имъ благодатной власти учительства и тайнодѣйствій совершенно равны со всѣми другими епископами зависимыхъ отъ нихъ епархій. Но, какъ въ обширныхъ епархіяхъ явилась потребность въ назначеніи священниковъ благочинныхъ, чѣмъ, однако, священническому чину не причиняется никакой порухи, такъ и въ обширныхъ помѣстныхъ Церквахъ, для соблюденія необходимаго единства въ управленіи и распорядкѣ церковныхъ

дѣлъ, явилась необходимость учредить и въ самомъ архіерейскомъ чинѣ разныя іерархическія степени, начиная отъ простого епископа и кончая патріархомъ или папой (это имя носили и нѣкоторые изъ восточныхъ архіепископовъ). Но съ учрежденіемъ митрополичьяго и патріаршаго достоинствъ порядокъ церковнаго управленія въ существѣ своемъ остался прежній, ибо, какъ въ первенствующей Церкви апостольской, такъ и въ Церквахъ патріаршихъ IV и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ,—высшею законоуставною и судящею властью были и суть соборы областные, помѣстные и вселенскіе. Въ Церквахъ патріаршихъ православныхъ, какъ во времена святыхъ патріарховъ Аѳанасія александрійскаго и Іоанна Златоустаго, такъ и донынѣ, церковное управленіе, несмотря на присутствіе въ нихъ патріарховъ, продолжаетъ быть не монаршескимъ, а соборнымъ, ибо, во-первыхъ, патріархи избираются и получаютъ свое освященіе отъ соборовъ и судятся соборами; во-вторыхъ, при патріархахъ обычно есть постоянные сѵноды, и, въ-третьихъ, важнѣйшія дѣла отдаются ими на рѣшеніе и на судъ соборовъ, въ которыхъ и понынѣ не рѣдко участвуютъ представители не одной какой-либо, а нѣсколькихъ помѣстныхъ Церквей. И наша Русская Церковь, какъ во времена всероссійскихъ митрополитовъ, такъ затѣмъ и при всероссійскихъ патріархахъ, была не монаршескою церковью, а соборною, доказательствами чему служатъ и упоминаемые г. Z. соборы 1589, 1667 и 1681 годовъ, и даже самъ патріархъ Никонъ, ибо какого бы ни былъ онъ высокаго о своемъ санѣ мнѣнія, и какіе бы ни приписывались ему честолюбивые «замахи», однако же, онъ не считалъ себя ни духовнымъ монархомъ, ни папою, ибо ничего важнаго безъ соборнаго совѣщанія не дѣлалъ и не отрицалъ своей подсудности власти правильно составленнаго собора.

А что такой соборный и іерархическій строй Русской Церкви, бывшій только «конечнымъ исполненіемъ церковнымъ», равно какъ то уваженіе, какимъ пользовались въ народѣ первосвятители Русской Церкви, не представляли никакой опасности для государства,—это доказывается всею нашею политическою и церковною исторіей и всего болѣе исторіей и развязкою столкновеній московскихъ государей съ предстоятелями Русской Церкви: ни св. Филиппъ, ни Никонъ, ни Адріанъ, ни Стефанъ Яворскій не призывали народъ къ бунту; они обращались только къ самимъ государямъ съ словами увѣщанія, къ чему обязывалъ ихъ пастырскій долгъ, и дѣлали это явно только тогда, когда молчаніе ихъ было бы для вѣрующихъ соблазномъ. И не только пренебреженіе къ святитель-

скимъ совѣтамъ, но даже пристрастный надъ святителями судъ и самое святоубійство вызывали со стороны народа только нравственное осужденіе, а не матеріальное возмездіе. Но Петръ не довольствовался положеніемъ неограниченнаго и никому не подвластнаго властителя въ государствѣ, онъ не признавалъ никакого суда надъ собою и въ Церкви; считалъ себя крайнимъ судіею не только надъ тѣлами, но и надъ душами своихъ подданныхъ (см. ниже указъ о преданіи церковной анаѳемѣ Глѣбова) и хотѣлъ, чтобы не только въ государствѣ, но и въ Церкви его произволъ былъ закономъ.

Ставя весь епископскій чинъ въ безусловное и полное подчиненіе духовному коллегіуму и ставя себя самого крайнимъ судіею этого коллегіума, Петръ тѣмъ самымъ именно и дѣлалъ церковное наше управленіе монаршескимъ и упразднялъ въ немъ соборное начало. Ибо, хотя на словахъ въ Духовномъ регламентѣ и сопровождавшемъ его манифестѣ отдается предпочтеніе соборному правительству передъ единоличнымъ, и духовное коллегіумъ отожествляется съ соборнымъ духовнымъ правительствомъ, однако же, на самомъ дѣлѣ, коллегіальное управленіе, какъ разумѣли его Петръ и его ближайшій въ этомъ дѣлѣ вдохновитель и пособникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ правленіемъ соборнымъ ничего общаго не имѣетъ. Въ каноническихъ соборахъ участвуютъ всѣ епископы подвластныхъ юрисдикціи собора областей, участвуютъ въ силу самого своего сана не по праву только, но и по обязанности; каждый участникъ собора призывается свободно высказать свое мнѣніе и произнести свой судъ. Начала, одухотворяющія соборы, суть любовь и единодушіе. Петровское же духовное коллегіумъ образовано было изъ небольшого числа людей разнаго чина и званія: епископовъ (3), архимандритовъ, игуменовъ и бѣлаго священства, которые всѣ назначались свѣтскою властью, причемъ разночинный составъ этого учрежденія, какъ безо всякаго стѣсненія пояснено въ ст. 5 части 1 Духовнаго регламента, имѣлъ цѣлью затруднить членамъ коллегіи входить между собою въ «коварныя умышленія» и стачки. Поэтому, если Церковь Русская остается еще не монаршескою, а соборною, то это—не благодаря петровской реформѣ и Духовному регламенту, а вопреки имъ.

Теперь умѣстно будетъ сказать о первоначальномъ составѣ духовнаго коллегіума и о томъ, каковы были соборность и согласіе въ этомъ учрежденіи, замѣнившемъ собою разомъ и единоличную патріаршую власть, и такъ называемый освященный соборъ и большіе московскіе соборы, временъ патріаршаго управленія.

Духовное коллегіумъ, или сунодъ, состоялъ по его учрежденіи изъ трехъ епископовъ (президента и двухъ вицепрезидентовъ), трехъ архимандритовъ, двухъ протопоповъ, одного священника (грека) и одного іеромонаха. Президентомъ сунода былъ назначенъ Стефанъ Яворскій— человѣкъ, противъ своей воли поставленный Петромъ въ архіепископы рязанскіе и мѣстоблюстители предназначеннаго къ упраздненію патріаршаго престола; человѣкъ, не признававшій правильности совершенныхъ Петромъ въ церковной жизни перемѣнъ, не желавшій подписать Духовнаго регламента и подписавшій его несомнѣнно вопреки своему убѣжденію и волѣ. Первымъ вицепрезидентомъ духовнаго коллегіума былъ Ѳеодосій Яновскій, архіепископъ новгородскій, человѣкъ малаго образованія и таланта, но съ огромнымъ честолюбіемъ, не сочувствовавшій въ душѣ петровскимъ новшествамъ, но поддѣлывавшійся подъ господствующее направленіе и грубо льстившій Петру. Такъ, когда въ 1719 г. Мусинъ-Пушкинъ донесъ о томъ, что въ новгородскихъ церквахъ по ночамъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола и царь поручилъ Ѳеодосію обстоятельно разузнать въ чемъ дѣло, то Ѳеодосій въ донесеніи Петру такъ истолковалъ этотъ звонъ: «чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить; явь яко отъ противника: рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ россійскихъ, первое изъ кликушъ чрезъ Петра Великаго; второе черезъ новоприданные въ хиротонію архіерейскую отъ того-жъ (т. е. отъ Петра же) пункты, дабы иконъ не боготворили и тымъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ *)!.. Не менѣе любопытно другое письмо Ѳеодосія къ Петру съ объясненіемъ причинъ, почему у него, Ѳеодосія, такъ много враговъ между духовными и свѣтскими людьми: «всенижайше доношу вашему величеству мизерный: умножишася паче власъ главы моея ненавидящіе мя туне, а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія: изъ духовныхъ: 1) за приказанія духовныхъ дѣлъ мимо архіереевъ въ резидующемъ семъ мѣстѣ... изъ всего поспольства... 10) за свѣчи, по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобы черезъ потребу не жгли; 11) за Пречистыя Тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лѣкарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи, причастивъ единою, оставляли-бъ непричастныхъ до познанія добра и зла» **).

*) Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ др. вр. Т. XVI, изд. 1874 г., стр. 333.
**) Тамъ же, стр. 334.

Изъ этихъ двухъ писемъ легко видѣть, что былъ за человѣкъ Ѳеодосій Яновскій и каково было отношеніе Ѳеодосія къ такимъ освященнымъ Православною Церковью и дорогимъ для русскихъ людей обычаямъ, какъ возжиганіе свѣчей и причащеніе младенцевъ. Вторымъ вице-президентомъ коллегіума былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Это былъ человѣкъ болѣе образованный и тонкій, нежели Ѳеодосій, но во многихъ отношеніяхъ онъ былъ ему подъ стать. Достаточное понятіе о немъ даетъ сочиненный имъ Духовный регламентъ и особенно то мѣсто, въ прибавленіяхъ къ регламенту—«О правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго», гдѣ (ст. 10) священникамъ вмѣняется въ обязанность доносить Тайной канцеляріи и Преображенскому приказу объ узнанныхъ на духу злоумышленіяхъ и о совершенныхъ уже суевѣрныхъ дѣлахъ, при чемъ въ успокоеніе іерейской совѣсти разъясняется, что «симъ объявленіемъ духовникъ не объявляетъ совершенной исповѣди, но еще исполняетъ ученіе Господне, тако рѣченное: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ... аще же не послушаетъ, повѣждь церкви!...» *).

---

*) Выше было упомянуто о томъ, что Ѳеофанъ выступилъ съ проповѣдью въ защиту безпутныхъ и кощунственныхъ потѣхъ Петра I. Чтобы оцѣнить по достоинству это заступничество со стороны человѣка, готовившагося къ посвященію въ епископскій санъ, напомнимъ нѣкоторыя изъ петровскихъ забавъ.

Въ 1715 г. Петръ женилъ шутовскаго патріарха Никиту Зотова—бывшаго своего учителя, 70-ти лѣтняго старца, имѣвшаго взрослыхъ дѣтей. Сынъ Зотова, Кононъ Никитичъ, умолялъ письменно Петра не дѣлать надругательства надъ его отцомъ. Мольба эта, конечно, не была услышана. Вѣнчалъ патріарха съ патріаршею девяностолѣтній священникъ Архангельскаго собора. На свадьбу было собрано множество стариковъ и старухъ. Петръ самъ распоряжался устройствомъ свадебнаго торжества, длившагося весь январь 1715 года. Шутовская процессія шла въ сопровожденіи грома музыкальныхъ инструментовъ, мѣдныхъ тарелокъ, свистковъ, трещетокъ, съ колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей; чернь, которую царь приказалъ поить виномъ, кричала: да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею.

Въ 1717 году на мѣсто умершаго Зотова всешутѣйшій соборъ, въ которомъ были всѣ церковные чины и самъ Петръ изображалъ протодіакона, выбиралъ новаго патріарха. Въ написанномъ самимъ Петромъ чинѣ избранія шутовскаго патріарха осмѣивался весь чинъ патріаршаго избранія: вмѣсто иконъ несомъ былъ монахами великой обители Бахусъ; чинъ поставленія избраннаго лица въ патріархи, также начертанный самимъ Петромъ, былъ глумленіемъ надъ поставленіемъ архіереевъ. Поставляющій возглашая: «Пьянство Бахусово да будетъ съ тобой», намекалъ на священныя слова: «благодать Св. Духа да будетъ съ тобою». Подобно тому, какъ архіереи произносятъ исповѣданіе вѣры, князь-папа исповѣдывалъ поклоненіе

Стефанъ Яворскій считалъ Ѳеофана Прокоповича уклонившимся отъ православія въ кальвинскую ересь и недостой-

---

пьянству: «виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ, чрево свое наполняю, такъ что иногда и ядемъ, мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моей десницы и предстоящей очесехъ моихъ мглѣ не вижу, и тако всегда творю и учити мнѣ врученныя обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощью отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, движемся и есмы, еже желаю тебѣ, отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь».

Слѣдовало рукоположеніе: во имя разныхъ принадлежностей пьянства. Потомъ слѣдовало облаченіе новопоставленнаго съ произношеніемъ славянскихъ выраженій, напоминающихъ облаченіе первосвященниковъ: «Облачается въ ризу невѣдѣнія своего»; флягу возлагая произноситъ: «сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ»; наручники возлагая: «да будутъ дрожащи руцѣ твои»; отдавая жезлъ: «дубина Дидана вручается тебѣ, да разгоняеши люди своя». Первый жрецъ помазывалъ крѣпкимъ виномъ голову новопоставленнаго и дѣлалъ образъ круга около его глазъ, произнося: «тако да будетъ кружиться умъ твой». Наконецъ возлагали подобіе первосвященнической шапки, съ возгласомъ: «вѣнецъ мглы Бахусовой, возлагаю на главу твою, да не познаеши десницы твоей, въ пьянствѣ твоемъ». Всѣ хоромъ пѣли: «аксіосъ». Новопоставленный садился на бочку, замѣнявшую первосвященническое сѣдалище; испивалъ Великаго Орла и давалъ пить изъ него всѣмъ другимъ. Пѣніемъ многолѣтія оканчивался чинъ поставленія. Избранный въ шутовскіе вселенскіе патріархи Бутурлинъ до того времени состоялъ въ званіи петербургскаго шутовскаго владыки. Избраніе его произведено 28 декабря 1717, а поставленіе 10 января 1718 г. (Костомар. Ист. Р. въ жизнеопис. вып. 6, стр. 671—674).

Могли ли подобныя забавы, сопровождавшіяся оскорбленіемъ святыни и нѣкоторыми другими подробностями, о которыхъ и говорить-то стыдно, не возмущать набожныхъ и благочестивыхъ русскихъ людей и не вызывать строгаго осужденія особенно со стороны духовенства? Если и можно высшимъ его представителямъ, какъ, напримѣръ, Стефану Яворскому, сдѣлать упрекъ, то развѣ въ томъ, что осужденіе ими петровскихъ забавъ было недостаточно настойчивымъ и явнымъ. Между тѣмъ, готовившійся въ епископы Ѳеофанъ Прокоповичъ 6 апрѣля того же 1718 года, въ январѣ котораго происходило описанное выше поставленіе новаго шутовскаго патріарха, произнесъ слово «О власти и чести царской», въ которомъ, между прочимъ, проповѣдывалъ: «Еще точію о нашихъ нѣкіихъ мудрецахъ нѣчто воспомянемъ: суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно и небогопротивно. Напримѣръ: лучше любятъ день ненастный, нежели ведро; лучше радуются вѣдомостью скорбными, нежели добрыми, самаго счастія не любятъ, и не вѣмъ какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкамъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, не благополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. И сіи наипаче славы безчести не трепещутъ, и... все, еже велико и славно есть, презираютъ и въ грѣхъ ставятъ: и тако о державѣ верховной ниже помыслити хотятъ, быти ю праведну и отъ Бога узаконенну». (Соч. Самар. V, 427).

нымъ епископскаго сана, о чемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами, заявилъ письменно, когда готовилось посвященіе Ѳеофана въ епископы. Конечно, Петръ поставилъ на своемъ; Яворскій принужденъ былъ даже просить прощенія у Ѳеофана и примириться съ нимъ, но примиреніе было, конечно, вынужденное и наружное.

Таковъ былъ епископскій соборъ въ замѣнившемъ патріарха коллегіумѣ!

Объ остальныхъ членахъ и ассессорахъ духовнаго коллегіума мы не станемъ здѣсь распространяться. Они, конечно, творили волю пославшаго ихъ въ коллегіумъ и держались въ немъ болѣе сильной стороны. Представителями же этой воли и силы въ коллегіумѣ былъ не президентъ, а его два товарища. Стефанъ Яворскій былъ самъ по себѣ хорошій и прямой человѣкъ, во всякомъ случаѣ, человѣкъ церковнаго воспитанія и духа. Но туго приходилось ему между такими двумя товарищами, какъ Ѳеодосій и Ѳеофанъ, готовыми во всякое время свалить его, чтобы самимъ занять президентское въ коллегіумѣ кресло.

Каково было положеніе Яворскаго въ качествѣ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, а затѣмъ въ качествѣ президента духовнаго коллегіума, объ этомъ можно судить по двумъ слѣдующимъ примѣрамъ.

По нѣкоторымъ дѣламъ обязательны были совмѣстныя засѣданія сената и сѵнода. Но еще до учрежденія сѵнода по дѣлу о докторѣ Тверитиновѣ, обвинявшемся, между прочимъ, въ поруганіи св. иконъ, Яворскій, по указу Петра, долженъ былъ засѣдать въ сенатѣ. Взглядъ его на дѣло Тверитинова расходился съ отношеніемъ къ этому дѣлу сенаторовъ, руководившихся, очевидно, снисходительнымъ взглядомъ высшей власти; и, вотъ, 14 мая 1715 года сенаторы выгоняютъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола изъ судебной избы, и онъ съ плачемъ оттуда уходитъ. Его жалоба на это и мнѣніе по дѣлу Тверитинова оставлены безъ всякаго вниманія *).

Другой, не менѣе достойный вниманія, случай приведемъ изъ дѣятельности только-что учрежденнаго сѵнода.

Въ первомъ своемъ засѣданіи, 14 февраля 1721 года, сѵнодъ представилъ царю докладные пункты. Въ первомъ изъ нихъ спрашивалось: «въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ было па-

*) Кедровъ. «Дух. Регл. въ связи съ преобразоват. дѣятельностью. П. В.—М. 1886 г.» стр. 25.

тріаршеское имя возносимо, вмѣсто онаго, правительствующаго духовнаго собранія именованіе возносить ли по нижеположенной формѣ? — О святѣйшемъ правительствующемъ собраніи, честномъ пресвитерствѣ и протчее». По этому пункту Петръ на докладѣ написалъ собственноручно слѣдующую резолюцію: «о святѣйшемъ синодѣ іли о святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ». Смыслъ доклада и царской резолюціи совершенно ясенъ: докладывалось и рѣшено о томъ, чтобы въ церковныхъ службахъ вмѣсто имени упраздненнаго русскаго патріарха поминать замѣнившій его сунодъ. Такъ понималъ это дѣло и Стефанъ Яворскій; но другіе члены коллегіума дали распространительное толкованіе приведенной царской резолюціи и повелѣли (21 мая) «всенароднаго ради извѣстія напечатать объявленіе о причинахъ, по которымъ оставлено возношеніе патріаршаго имени въ церковныхъ богослуженіяхъ». Въ этомъ, очевидно, Ѳеофановой работы, сунодскомъ объявленіи содержится пространное, полное натяжекъ и софистическихъ доводовъ разсужденіе о томъ, что по силѣ-де состоявшагося 17-го февраля именнаго указа, на церковныхъ службахъ не слѣдуетъ поминать не только имени упраздненнаго русскаго, но и другихъ православныхъ патріарховъ. Стефанъ Яворскій заявилъ по этому дѣлу особое мнѣніе. Приведемъ это мнѣніе и состоявшееся по поводу его сунодское опредѣленіе,—чтобы показать, какой духъ возобладалъ въ духовномъ коллегіумѣ и каковы были взаимныя отношенія его членовъ.

«Преосвященнѣйшіе іерархи и прочіе отцы святіи и братія»—писалъ въ своемъ особомъ мнѣніи президентъ духовнаго собранія Стефанъ Яворскій,—«понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ члены коллегіи, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ ектеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ можно обоя вмѣстити, напр., такъ: о святѣйшихъ патріарсѣхъ православныхъ и о святѣйшемъ правительствующемъ сунодѣ. Какой въ томъ грѣхъ? какой убытокъ славы и чести святѣйшему россійскому суноду? Какое безсмысліе и непристойность? Паче же Богу пріятно и народу велми угодно было бы. Въ главѣ 6-й регламента написано: ежели дѣла сумнительныя и какого изъясненія требуютъ,—чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельствъ напередъ докладывать и справляться откуду надлежитъ. Понеже убо сія тако глаголютъ, то сіе дѣло требуетъ послѣдняго рѣшенія и опредѣленія отъ самыя превысочайшія всѣмъ коллегіямъ и всему государству главы. А что помѣта монаршеская написана на первый пунктъ доношенія, отъ сего то только дается знати, какъ нарицатися

имать коллегіумъ духовный въ молитвахъ, а объ отставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничего не говорится». Подписалъ «Стефанъ недостойный митрополитъ, старецъ немощный». По поводу этого, дѣйствительно смиреннаго и правдиваго мнѣнія своего президента, коллегіумъ 12 іюня разразился опредѣленіемъ «о воспрещеніи митрополиту рязанскому и муромскому Стефану сообщать кому-либо содержаніе мнѣнія его о возношеніи при церковныхъ служеніяхъ имени патріаршаго и о сочиненныхъ имъ же по сему предмету вопросо-отвѣтахъ». Въ этомъ опредѣленіи говорится: «По указу Великаго Государя и т. д. Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, слушавъ... о возношеніи имени патріаршаго... мнѣнія президента сѵнодскаго преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго, и сочиненныхъ о чиноначаліи патріарховъ восточныхъ и о прочемъ вопросо-отвѣтовъ,... приговорили согласно: тѣ вопросо-отвѣты, яко не важные и не крѣпкіе, паче же не полезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственныя тишины вредительные и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе и народу, силы писанія невѣдущему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать до надлежащаго Царскому Величеству объявленія въ Сѵнодѣ подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точію въ публику, но и въ показаніе никому не произошли; а къ нему, преосвященному митрополиту, послать изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Его Царскаго Величества указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ, вопросо-отвѣтовъ отнюдь никому не сообщалъ и во объявленіе не употреблялъ... опасаяся не безтруднаго... предъ Его Царскимъ Величествомъ отвѣта... А что во ономъ же мнѣніи протолкована резолюція Его Царскаго Величества... и то явная ложь... чего ради оные вопросо-отвѣты, яко вещь вредную отъ публикаціи и удержать... А вышеозначенныя печатныя вѣдѣнія, яко во обнародованіи быть долженствуемыя, неудержимо распубликовать и по епархіямъ съ указами изъ Сѵнода разослать немедленно»... *)

Не трудно видѣть, гдѣ были правда и гдѣ ложь въ этомъ дѣлѣ.

Изъ высочайшей отмѣтки о поминовеніи святѣйшаго сѵнода вмѣсто упраздненнаго русскаго патріарха произвольно выведено заключеніе о невозношеніи на службахъ именъ другихъ восточныхъ патріарховъ; несогласное же съ такимъ рас-

*) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов. Росс. Имп. т. I, изд. 2, ст. 106 и 118. Стр. 143—147 и 165—167.

пространительнымъ толкованіемъ царской резолюціи мнѣніе президента, сводившееся къ требованію представить спорный вопросъ на разрѣшеніе государю, что вполнѣ согласовалось съ Духовнымъ и Генеральнымъ регламентами, объявлено и не полезнымъ, и вреднымъ, и явно лживымъ и именному царскому указу противнымъ и миръ церковный къ смятенію возбуждающимъ. И все это прописано въ постановленіи сунода и отнесено имъ къ первенствующему своему члену!

Такова была соборность въ замѣнившемъ патріарха якобы соборномъ духовномъ управленіи, и такимъ способомъ устранялось въ немъ разногласіе!

Въ статьѣ г-на Z. шесть главъ. По разсмотрѣннымъ нами двумъ, можно судить и объ остальныхъ. Мы не станемъ разбирать ихъ съ такою же подробностію, какъ двѣ первыя, тѣмъ болѣе, что въ нихъ говорится не столько о высшемъ церковномъ управленіи, сколько о разныхъ другихъ предметахъ: приходахъ, порядкѣ учета церковныхъ денегъ и т. п. Отмѣтимъ только нѣкоторыя несообразности въ этихъ главахъ, особенно бьющія въ глаза.

«Говорятъ», начинаетъ г-нъ Z. главу III,—«что Петръ Великій ввелъ въ Россіи цезарепапизмъ, когда уничтожилъ патріаршество и самъ сдѣлался главою русской церкви. Это не вѣрно уже потому, что Петръ Великій самъ себя ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ не называетъ главою церкви».

Далѣе въ той же III и въ слѣдующихъ главахъ, авторъ развиваетъ мысль, что «положеніе русскаго царя въ русской церкви съ Петра Великаго окончательно опредѣлилось, не какъ главы церкви въ реформатскомъ или папскомъ смыслѣ, а какъ верховнаго ктитора всероссійской церкви». Противъ этой теоріи ктиторства царя въ Церкви, принадлежащей, впрочемъ, не самому г-ну Z., а взятой имъ у С. М. Соловьева, пожалуй, можно бы и не спорить, если бы г-нъ Z. не утверждалъ, что въ этомъ именно значеніи положеніе царя въ Церкви *опредѣлилось именно съ Петра I.* Нѣтъ, Петръ присвоивалъ себѣ положеніе въ церкви несравненно большее, нежели то, какое можно соединять съ понятіемъ ктиторства. Голиковъ *) говоритъ, что еще въ концѣ 1714 года Петръ, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ россійской церкви и предоставляетъ учредить духовное собраніе, подъ именемъ

*) Дополн. къ дѣят. Петра Великаго, т. 10, стр. 234.

Св. Сѵнода *). Въ установленной имъ присягѣ для членовъ духовной коллегіи говорится: «Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сія коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго». Ставить себя крайнимъ судіею духовнаго коллегіума, которое въ свой чередъ поставлено не только вмѣсто патріарха, но и вмѣсто собора,—крайнимъ судіею всего духовнаго чина и всѣхъ церковныхъ дѣлъ,—не значило ли это ставить себя главою Церкви? И Петръ, дѣйствительно, считалъ себя полновластнымъ хозяиномъ и крайнимъ судіею не только въ государствѣ, но и въ Церкви. Доказательствъ этому не мало можно найти, не говоря уже о другихъ источникахъ,—въ Полномъ собраніи законовъ и въ «Полномъ собраніи постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія, издаваемомъ по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода». Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ: «Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, во время божественнаго пѣнія, сего августа 15 дня, указалъ по именному своему великаго государя указу: Стефана Глѣбова, въ безприкладномъ преступленіи и безстраміи и въ письменномъ противъ Его Царскаго Величества народномъ возмущеніи явившагося, который по жестокости своей и непокаянному сердцу, когда по Его Царскаго Величества правамъ достойная ему, Глѣбову, казнь чинена, свойственнаго по христіянской должности покаянія не принесъ и причастія Святыхъ Тайнъ не точію не пожелалъ, но и отвергся и клятвѣ церковной, яко злолютый преступникъ и таковыя Святѣйшія Тайны презиратель и отметникъ, самъ себя подвергъ,—имѣть отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода во анаѳемѣ вѣчно и съ прочими, проклятію и анаѳемѣ подпадшими, во всѣхъ россійскихъ церквахъ, гдѣ въ недѣлю православія воспоминаніе таковымъ бываетъ, повсегодно его, Глѣбова, анаѳематствовать. И о томъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода послать во всѣ епархіи ко архіереомъ при указѣхъ форму немедленно и сей имянной Его Царскаго Величества указъ въ Сѵнодѣ записать въ учрежденную на то книгу». Затѣмъ слѣдуетъ и сама форма, по которой надлежало анаѳематствовать Глѣбова **).

У Костомарова приведено извѣстіе о томъ, что Глѣбовъ, находясь на колу, причастился отъ случившагося тутъ іеромо-

*) Самаринъ т. V, стр. 281.

**) Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. прав. испов. т. I, изд. II, ст. 179, стр. 232.

наха *), и, слѣдовательно, обвиненіе въ отверженіи имъ Св. Тайнъ и отлученіе его отъ церкви Петромъ не справедливы. Быть можетъ, онъ отвергъ присланнаго къ нему Петромъ духовника изъ опасенія, чтобы исповѣдь его не послужила предлогомъ къ новымъ розыскамъ и казнямъ. Но не въ томъ теперь дѣло: отвергалъ или нѣтъ Глѣбовъ Св. Тайны; а въ томъ, что Петръ считалъ себя въ правѣ предать его церковной анаѳемѣ собственнымъ именнымъ указомъ, объявленнымъ только сѵноду для исполненія. Уже этотъ одинъ случай достаточно опровергаетъ утвержденіе, будто бы Петръ довольствовался въ церкви положеніемъ ктитора.

Въ главѣ IV на стр. 32 и 33 г-нъ Z. останавливается на проектѣ грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича задуманной въ Москвѣ академіи. Этою грамотою предполагалось отдать академіи нѣсколько богатыхъ монастырей съ крестьянскими дворами и усадьбами и нѣсколько пустошей и дать блюстителю и учителямъ свой особый судъ (проступки блюстителя судятся учителями въ присутствіи царя и патріарха; проступки учителя — судомъ блюстителя съ остальными учителями. Проступки учащихся, кромѣ убійственныхъ и за другія великія дѣла, судятся, гдѣ что доведется, съ вѣдомости блюстителя), и право испытывать въ вѣрѣ и наблюдать за поведеніемъ пріѣзжихъ изъ другихъ странъ ученыхъ. Богохульниковъ и вѣроотступниковъ академическій судъ могъ приговаривать къ сожженію.

Авторъ видитъ въ предполагавшейся академіи и нѣчто подобное инквизиціи и особаго рода удѣлъ, а въ блюстителѣ особаго рода удѣльнаго князя, и говоритъ: «Безъ преувеличенія можно сказать, что, восторжествуй тогда византійское направленіе, для нашего отечества наступило бы время самаго тяжелаго какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго гнета, тогда какъ умоначертаніе Петра Великаго, выше изображенное, будучи имъ узаконено, принесло русской церкви освобожденіе въ той области ея жизни, къ которой оно относилось, т. е. къ православному народу, въ его группировкѣ по церковно-приходскимъ общинамъ».

Но университеты и академіи повсюду и на западѣ, до Ѳеодора Алексѣевича и послѣ него, надѣлялись и пользовались правомъ самостоятельнаго управленія и особаго суда, и проектъ грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича не представлялъ

*) Ист. Р. въ жизнеоп., вып. 5.

собою въ этомъ отношеніи чего-нибудь исключительнаго, и странно видѣть въ этомъ проектѣ намѣреніе создать особый удѣлъ и особаго удѣльнаго князя. Такъ какъ проектъ не осуществился, то праздно и гадать о томъ, что могло выйти изъ задуманной тогда академіи въ томъ случаѣ, еслибы «восторжествовало византійское вліяніе». Во всякомъ случаѣ, всякому извѣстно, что инквизиція процвѣтала не на византійскомъ востокѣ, а на романо-германскомъ западѣ. Кровавыя истязанія и огненныя казни за религіозныя преступленія внесены въ законъ и обычай Московскаго государства не византійскимъ, а западнымъ вліяніемъ. Они были повсемѣстны на Западѣ, и протестантскія страны въ суевѣрномъ изувѣрствѣ и кровавомъ инквизиторствѣ нисколько не уступали католическимъ. Какъ бы то ни было: не Ѳеодоръ Алексѣевичъ, вѣрный византійскимъ и старо-русскимъ преданіямъ, а подчинившійся западному протестантскому вліянію Петръ—создалъ у насъ инквизиторовъ и инквизицію, и нѣтъ возможности отрицать, что все гражданское и церковное управленіе при немъ и долгое время послѣ него проникнуто было инквизиторскимъ духомъ. И говоря по правдѣ — не было въ нашемъ отечествѣ другаго времени, когда бы гнетъ и матеріальный и нравственный такъ тяжело давилъ всѣхъ русскихъ людей—отъ перваго ихъ святителя и до простого мужика—какъ именно при Петрѣ да развѣ еще при Биронѣ!

Проектомъ упомянутой грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича огненная казнь богохульникамъ назначалась потому, что таково было опредѣленіе дѣйствовавшаго въ то время закона—Уложенія царя Алексѣя Михайловича *). Личность же самого Ѳеодора Алексѣевича и кратковременное царствованіе этого государя носятъ на себѣ печать смиренномудрія и благости: имъ уничтожено мѣстничество, изданъ законъ, прекращавшій варварскія казни — отсѣченіе рукъ и ногъ, и замѣнившій ихъ ссылкою; позорное наказаніе кнутомъ замѣнялось при немъ въ иныхъ случаяхъ пенею; запрещено въ челобитныхъ, подаваемыхъ царю, употреблять раболѣпное выраженіе: чтобы царь умилосердился, «какъ Богъ»; запрещено простымъ людямъ при встрѣчѣ съ боярами вставать съ лошадей и кланяться въ землю **). А что мы видимъ затѣмъ? Воинскіе Артикулы жестокостью и разнообразіемъ казней далеко оставляютъ за собою Уложеніе царя Алексѣя. Петръ самъ брался за дѣло па-

*) См. Полн. собр. закон. Т. I, Ул. царя Ал. Михайл., гл. I, ст. I.

**) Костомаровъ. «Русск. Ист. въ жизнеоп.», вып. 5, стр. 465—466.

лача и изобрѣтательность его въ истязаніи живыхъ и поруганіи мертвыхъ не знала предѣловъ...

Царь Ѳедоръ запрещалъ другимъ приравнивать его къ Богу, а Петръ самъ въ духовномъ регламентѣ (ч. I ст. 6) приравниваетъ себя къ «Христу Господню» *).

Преслѣдуя суевѣрія, Петръ самъ былъ причастенъ суевѣрію; кощунствуя и занимаясь чернокнижіемъ, онъ вѣрилъ заговору ружья и положилъ за него въ Воинскихъ Артикулахъ смертную казнь. Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Каковъ былъ самъ Петръ, таковы были и воспитанные имъ «птенцы». Ругаясь надъ святынею, они вѣрили разнымъ волшебствамъ и гаданіямъ. Объ одномъ изъ этихъ птенцовъ сохранилось такое свидѣтельство: «Губернаторъ Кіевскій князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ святымъ печерскимъ не вѣруетъ, а вѣруетъ еретичествующей бабѣ, которая ему волшебствуетъ, и какъ ему уволшебствуетъ, то онъ и поѣдетъ въ Петербургъ явиться къ Царскому Величеству: ту бабу князь поитъ и кормитъ, и держитъ та баба у себя многое число кошекъ вмѣсто сатаны».

Не была упразднена Петромъ и огненная казнь за преступленія противъ вѣры. Напротивъ того, область этихъ преступленій и примѣненіе этой казни значительно расширились. Сжигали и за такія преступленія, за которыя закономъ эта казнь и не была положена. Такъ, въ 1720 году дьячекъ церкви св. Троицы въ Ямской Новинской слободѣ въ Новѣгородѣ разгласилъ ложное чудо: зажегъ ночью свѣчи въ церкви, накурилъ ладономъ и, притворившись самъ нѣмымъ, въ розданныхъ народу письмахъ приписалъ все это св. иконамъ. Но, сознавъ вскорѣ содѣянный грѣхъ, Ефимовъ покаялся сначала своему духовнику на исповѣди, а затѣмъ архіепископу новгородскому Ѳеодосію Яновскому. По донесенію послѣдняго, Сунодъ, разслѣдовавъ дѣло, нашелъ, что какъ въ Библіи, такъ и въ Духовномъ регламентѣ и въ Архіерейской присягѣ запрещается и осуждается измышленіе ложныхъ чудесъ и обманъ мощами, но «что за такую обману и ложь чинить», того тамъ не показано, и «въ Кормчей книгѣ приличныхъ къ сему правилъ и Уложенья такихъ статей не обрѣтается, и примѣрныхъ дѣлъ нѣтъ». Поэтому Сунодъ приговорилъ отослать бывшаго дьячка Василія Ефимова за его продерзость и безстрашіе къ градскому наказанію въ Юстицъ-Коллегію съ такимъ указомъ, чтобы оное наказаніе отъ Юстицъ-Коллегіи учинено ему было, по Его Царскаго Ве-

*) «Тіи бо» (коварные человѣцы) «на Государя своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и, подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господня» Дух. Регл., ч. I, ст. 7.

личества правамъ, въ Новѣгородѣ при оной церкви, въ которой онъ вышеозначенную ложь учинилъ. По этому указу состоялся приговоръ Юстицъ-Коллегіи, по которому бывшій дьячекъ Василій Ефимовъ сожженъ въ Новѣгородѣ въ декабрѣ 1721 года. Основанъ этотъ приговоръ Юстицъ-Коллегіи на гл. 1, ст. 1 и на гл. 22, ст. 13 Уложенія 1649 г., изъ которыхъ первая статья говоритъ о хулѣ на Бога, Богородицу или Святыхъ Его, а вторая о политической смутѣ, и, слѣдовательно къ преступленію Василія Ефимова примѣнены не правильно *).

Въ главѣ V-й изложено «умоначертаніе» Петра I относительно приходовъ, состоявшее прежде всего въ лишеніи архіереевъ права распоряжаться церковными средствами безъ Государева вѣдома и въ предоставленіи правежа этихъ денегъ на старостахъ своимъ, т. е. правительственнымъ, органамъ власти. Затѣмъ церковное хозяйство, по умоначертанію Петра, должно было вестись прихожанами, чрезъ выборныхъ старостъ, безъ участія причта; доходы церковные, за удовлетвореніемъ потребностей богослуженія и храма, должны были идти на устройство и поддержаніе домовъ для причтовъ, на богадѣльни и образованіе духовенства; священникамъ предполагалось дать достаточное довольство, обложивъ для этого прихожанъ особою податью, контроль за церковноприходскимъ хозяйствомъ возложить на епископа.

Въ главѣ VI-й, послѣдней, перечисляются различныя степени «воплощенія» умоначертанія Петра I въ жизни русскаго народа. Такихъ степеней по настоящее время г-нъ Z. насчитываетъ шесть. Первая — это появленіе при Петрѣ въ сельскихъ церквахъ около Петербурга церковныхъ старостъ, которыхъ, впрочемъ, священники нанимали изъ церковной казны и держали, какъ своихъ приказчиковъ. Вторая — повелѣніе Императрицы Анны въ 1733 году о томъ, чтобы въ Псковской губерніи церковные старосты выбирались не изъ псковичъ-купцовъ и мѣщанъ, унаслѣдовавшихъ прежнія права надъ уѣздными церквами отъ псковичъ-вѣчевиковъ, а изъ мѣстныхъ прихожанъ каждой церкви. Третья — обращеніе въ 1764 г. около милліона крестьянъ, сидѣвшихъ на вотчинныхъ земляхъ архіереевъ, монастырей, соборовъ и церквей,—въ государственные и отмѣна производившихся съ приходскаго духовенства въ пользу архіереевъ, соборовъ и церквей сборовъ, и въ за-

---

*) Полн. собр. узак. и распоряж. по вѣд. правосл. исповѣд. Т. I, изд. 2-е, стр. 301—307.

мѣнѣ этихъ сборовъ жалованьемъ. Четвертая — высочайше утвержденная 17 апрѣля 1808 г. инструкція церковнымъ старостамъ, освободившая остальные приходы, которыхъ было въ Россіи на половину, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Пятая — назначеніе при Николаѣ I изъ казны содержанія приходскому духовенству, и, наконецъ, шестая—вѣнецъ всему—утвержденная 12 іюня 1890 г. инструкція церковнымъ старостамъ, по которой уже не требуется согласія причта на выборъ перковнаго старосты, кромѣ старосты выбираются прихожанами два счетчика для ежегоднаго учета церковной казны; при чемъ оказано «особое довѣріе Святѣйшему Сѵноду» предоставленіемъ ему права измѣнять утвержденныя высочайшею властью статьи инструкціи по указаніямъ опыта и по вниманію къ благу Церкви и государства.

Изъ этого «умоначертанія» Петра I относительно церковно-приходской жизни, судя по изложенію и самого г-на Z., съ успѣхомъ выполнено имъ только одно, — отнято у архіереевъ право распоряжаться церковнымъ имуществомъ. Насколько эта мѣра способствовала осуществленію «умоначертанія» въ остальныхъ его частяхъ, какъ, напр., заботамъ объ образованіи духовенства, — объ этомъ, равно какъ и объ искренности этихъ образовательныхъ заботъ, — нѣкоторое понятіе можетъ дать слѣдующій отрывокъ изъ письма святителя Димитрія Ростовскаго къ Іову Новгородскому: «Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы завелъ было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начинали было грамматику разумѣть не дурно; но, попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sapienti sat» *).

Чтобы показать къ чему привели заботы Петра о священствѣ, сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ соч. Н. И. Кедрова «Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго». Авторъ этого сочиненія принадлежитъ къ завзятымъ поклонникамъ Петра I; онъ старается оправдать и поставить ему въ заслугу всѣ его мѣропріятія, и, однако же, вотъ что высказано у него наряду съ похвалами Петровой и Ѳеофановой мудрости:

*) Соловьевъ Ист. Р. съ др. вр. т. XVI, стр. 31 и 32.

«Въ древней Руси, какъ извѣстно, духовенство не составляло запретнаго сословія: въ ней служеніе въ церкви и для церкви широко было открыто людямъ всѣхъ званій и состояній. Право мірянъ вступать въ духовное сословіе не было тогда ограничено стѣснительными постановленіями: кто хотѣлъ и имѣлъ возможность быть духовнымъ лицомъ, тотъ легко могъ поступить въ духовное званіе, если не имѣлъ за собою пороковъ, препятствующихъ принятію на себя священнаго сана. Не было ограничено стѣснительными постановленіями и само духовенство древней Россіи. Тогда оно пользовалось свободнымъ правомъ оставаться или неоставаться въ духовномъ званіи, вслѣдствіе чего дѣти, рожденныя отъ лицъ духовныхъ, безпрепятственно избирали себѣ родъ жизни по своему усмотрѣнію. Такъ было и въ XVII в., когда въ духовное званіе вступали люди даже и несвободныхъ состояній» (стр. 131).

«Петръ I, разбивъ все народонаселеніе на отдѣльныя рѣзко обособленныя одно отъ другого и закрѣпощенныя государству сословія, закрѣпостилъ и обособилъ и духовенство. А то чиновное, чисто служебное по отношенію къ государству положеніе, въ которое было поставлено духовенство, «еще рѣзче содѣйствовало отчужденности духовенства отъ всего остального общества». «Когда Петръ, повелѣлъ указомъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди, духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между имъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководительство народною мыслію и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что дѣйствовать своимъ духовнымъ вліяніемъ для него отнынѣ не безопасно». «Въ эту систему доносовъ, которой слѣдовала наша администрація во всю первую половину XVII столѣтія, впутано было въ очень многихъ случаяхъ и духовенство. Ему предписано было преслѣдовать раскольниковъ по своимъ приходамъ, доносить о распространеніи суевѣрій, объ исполненіи прихожанами христіанскихъ обязанностей, посѣщенія церквей, поста, исповѣди и причащенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ священникъ являлся полицейскимъ органомъ правительства, дѣйствовалъ вмѣстѣ съ полицейскими сыщиками и дозорщиками изъ Преображенскаго приказа; его доносъ влекъ за собою судъ и расправу; духовный характеръ его церковной дѣятельности исчезалъ за приказнымъ его значеніемъ. Печальнымъ послѣдствіемъ такого положенія духовенства было постепенное отчужденіе его отъ народа, который въ большинствѣ враждебно относился

къ реформамъ правительства. Духовенство потеряло довѣріе къ себѣ въ народныхъ массахъ, или становилось вмѣстѣ съ народомъ въ ряды противниковъ правительства, защищая старые порядки и обычаи; среди постоянныхъ колебаній между двумя крайними направленіями оно не могло пристать и къ прогрессивной сторонѣ, на которой стояло правительство и часть общества, сочувствовавшая реформамъ. Консерватизмъ духовенства, не всегда одобрявшаго крайнія мѣры и увлеченія реформами, а иногда открыто становившагося въ рядъ приверженцевъ стараго порядка, естественно не могъ внушить къ нему полнаго довѣрія со стороны правительства, за нимъ былъ постоянный и строгій надзоръ; къ новой роли его пріучали, или лучше сказать принуждали страшными угрозами, тѣлесными наказаніями, ссылками и т. п. Прогрессивная (?) часть общества, быстро слѣдовавшая по новому пути преобразованій, видѣла, съ своей стороны въ духовенствѣ людей отсталыхъ, упорно преданныхъ старинѣ, неспособныхъ къ усвоенію новыхъ идей, и нерѣдко выражала къ нему открытое презрѣніе.

«Такимъ образомъ духовенство, замкнутое въ своей исключительной средѣ, при наслѣдственности своего званія, не освѣжаясь притокомъ свѣжихъ силъ отвнѣ, постепенно должно было ронять не только свое нравственное вліяніе на общество, но и само должно постепенно оскудѣвать умственными и нравственными силами, охладѣвать, такъ сказать, къ движенію общественной жизни и ея интересамъ. Его собственные интересы становились все уже и матеріальнѣе и мало привлекали къ себѣ вниманіе общественнаго мнѣнія. Общество охладѣло въ отношеніи къ духовенству, мало интересовалось его бытомъ и потребностями и стало смотрѣть на священника со всѣмъ кругомъ его обязанностей и отношеній, какъ на всякаго другого человѣка, съ которымъ въ жизни иногда неизбѣжно приходится имѣть дѣло и которому слѣдуетъ платить «за трудъ и время». Ничто такъ быстро и такъ вредно не могло отразиться на положеніи духовенства, какъ эта именно общественная холодность къ его служенію и обязанностямъ, потому что едва ли есть еще сословіе, болѣе чувствительное къ нравственнымъ отношеніямъ, въ какихъ находится къ нему общество, — какъ духовенство; и это потому, что обязанности духовенства, главнымъ образомъ, нравственныя, и при исполненіи ихъ оно особенно нуждается въ нравственномъ сочувствіи общества, въ сердечномъ и искреннемъ отношеніи къ его служенію. Холодность среды окружающей духовенство, должна отразиться на немъ самомъ, на пониманіи имъ своихъ обязанностей. И если механически холодное, но правильное и акку-

ратное исполненіе должнаго не повредило бы, пожалуй, въ другой средѣ общественной дѣятельности, то въ священникѣ оно уже есть несомнѣнный признакъ упадка, равнодушія и апатіи» (172—174).

Въ III главѣ на стр. 15 и 16 г-нъ Z. говоритъ: «Понятіе о церкви, «какъ обществѣ вѣрующихъ», въ древней русской церкви не имѣло мѣста, и когда Хомяковъ въ своемъ катихизисѣ говоритъ, что «церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей въ множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати», то этимъ онъ, протестуя, такъ сказать, противъ современнаго понятія о церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ, какимъ выраженіемъ исключаются, напримѣръ, ангелы и всѣ первородные, на небесѣхъ написанные, изъ состава церкви,—выразилъ древне-русское православное понятіе о церкви Христовой»...

«Общепринятымъ въ древней Руси понятіемъ о церкви», продолжаетъ г-нъ Z., «было понятіе о ней св. Іоанна Златоуста», въ которомъ «на первый планъ выдвинуты были признаки: вѣра, житіе, законы церковные и по которому церковь не что же ино есть, но развѣ нашими душами созданный домъ. То же понятіе о церкви имѣлъ и патріархъ Никонъ: «церковь», писалъ онъ, «не мѣсто только занимаемое церковнымъ зданіемъ, не стѣны церковныя, но законы церковные; церковь есть не стѣны съ кровлей, но вѣра и житіе. Основаніемъ церкви Христовой были апостолы, которые распространили церковь по вселенной. Стѣна же велія церковная, высокая и хранительная есть Христосъ. Онъ же есть и глава церкви»... «Если къ этому еще присоединить, тѣ мѣста древнихъ актовъ, гдѣ церковь опредѣляется какъ земное небо, а священнослужители называются небесными человѣками и земными ангелами», т. е. мѣста, говорящія не о земной, а о небесной, такъ сказать, природѣ церкви Христовой, то легко будетъ понять, что древне-русское православное понятіе о церкви, связанное съ именемъ св. Іоанна Златоуста и вліяніемъ его твореній на древне-русское общество, совершенно согласное, съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ церкви покойнаго Хомякова, не сходственно съ понятіемъ о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, «объединенныхъ извѣстными, на землѣ только существующими условіями (ученія, священнодѣйствія и управленія), — съ понятіемъ, начавшимъ водворяться у насъ въ XVII вѣкѣ, образовавшимся же подъ вліяніемъ не восточныхъ отцовъ церкви, а западной науки и реформаціи и хотя въ

существѣ тоже вѣрномъ, но, говоря языкомъ логики, въ объемѣ и содержаніи нѣсколько розняшемся отъ древне-русскаго».

Итакъ, по словамъ г-на Z., существующее понятіе о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», если не противорѣчитъ, то во всякомъ случаѣ въ объемѣ и содержаніи различается какъ отъ опредѣленія Церкви, сдѣланнаго Хомяковымъ, по которому она не есть множество лицъ, въ ихъ отдѣльности, а единство живущей въ нихъ Божіей благодати, такъ и отъ усвоеннаго древнею Русью понятія о Церкви св. Іоанна Златоуста, по которому Церковь не есть мѣсто или домъ, но законы церковные, вѣра и житіе. Это послѣднее, какъ и Хомяковское понятіе о Церкви, по словамъ автора, шире теперешняго понятія о Церкви, какъ «объ обществѣ вѣрующихъ», исключающаго, будто бы, изъ состава Церкви ангеловъ и всѣхъ первородныхъ, на небеси написанныхъ.

Но правильно ли это? Есть ли между современнымъ понятіемъ о Церкви и понятіемъ о ней Хомякова, Златоуста, патріарха Никона и древней Руси не только какое нибудь разногласіе, но хотя бы только разница въ объемѣ и содержаніи? Намъ кажется, что никакой такой разницы нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскроемъ хотя бы Филаретовскій катихизисъ, въ которомъ выражено современное понятіе о Церкви. Согласно этому катихизису: «церковь есть общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами»; «вѣровать въ церковь» — значитъ благоговѣйно чтить истинную церковь Христову и повиноваться ея ученію и заповѣдямъ по увѣренности, что въ ней пребываетъ, спасительно дѣйствуетъ, учитъ и управляетъ благодать, изливаемая отъ единой, вѣчной Главы ея, Господа Іисуса Христа». Далѣе поясняется: «хотя церковь видима, но не видима усвоенная ей и освященнымъ въ ней благодать Божія, которая собственно и есть предметъ вѣрованія въ церковь». Далѣе: «церковь, будучи видима, поколику она есть на землѣ и къ ней принадлежатъ всѣ христіане, живущіе на землѣ, въ то же время есть невидима, поколику она есть и на небеси и къ ней принадлежатъ всѣ, скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости». Понятіе о Церкви, сущей на землѣ и купно небесной утверждается катихизисомъ на словахъ апостола Павла: «приступисте къ Сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ торжеству, и церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ и къ ходатаю Завѣта Новаго Іисусу».

Итакъ прежде всего: откуда взялъ авторъ, что современ-

нымъ понятіемъ о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», связанныхъ ученіемъ, священнодѣйствіями и управленіемъ, исключаются изъ состава Церкви ангелы и первородные, на небесахъ написанные? Или святые ангелы Божіи и первородные, на небесахъ написанные, не причастны живущей въ Церкви Божіей благодати, которая, по словамъ современнаго катихизиса, и есть предметъ вѣрованія въ Церковь? Или не причастны они священнодѣйствіямъ и таинствамъ потому только, что видимо, въ совершеніи ихъ нами (т. е. земною Церковью) не участвуютъ? Но Церковь, какъ въ глубокую старину, такъ и нынѣ, поетъ во время совершенія Святыхъ Таинъ: «Иже херувимы, тайно образующе...» и «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершена дориносится...» Или святые первородные и ангелы стоятъ внѣ священноначалія, глава котораго—Христосъ, Сынъ Божій?— Если же Церковь земная и небесная находятся между собою въ постоянномъ общеніи вѣры, молитвы, тайнодѣйствія и священноначалія, то какимъ это образомъ понятіе о Церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, соединенныхъ единствомъ священноначалія и таинствъ, можетъ изъ состава Церкви исключать первородныхъ, на небеси написанныхъ?

Далѣе, Хомяковъ говоритъ о Церкви, что она «не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, а единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній». Но и мы, говоря о Церкви, какъ «обществѣ вѣрующихъ», даемъ о ней то же понятіе, что и Хомяковъ, ибо: «множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности» и по современному православному понятію, не составляютъ о б щ е с т в а; вѣра же, дѣлающая множество отдѣльныхъ лицъ однимъ обществомъ, и по Филаретовскому катихизису, какъ и по Хомякову, имѣетъ своимъ предметомъ усвоенную Церкви Христомъ божественную благодать. Стало быть, подъ Церковью, какъ обществомъ вѣрующихъ, и нынѣ понимается не иное что, какъ единство живущей въ нихъ, т. е. въ этомъ о б щ е с т вѣ в ѣ р у ю щ и х ъ, Божіей благодати. Или, быть можетъ, Хомяковъ не считаетъ необходимыми для Церкви признаками: ученія, священнодѣйствій и управленія? Но прямымъ на это отвѣтомъ служитъ § 7 его катихизиса, въ которомъ сказано:

«Святая Церковь исповѣдуетъ вѣру свою всею жизнію своею: *ученіемъ*, которое внушается Духомъ Святымъ, *таинствами*, въ которыхъ дѣйствуетъ Духъ Святый, и *обрядами*, которыми Онъ же *управляетъ*».

Изъ выписанныхъ нами мѣстъ изъ филаретовскаго катихизиса, намъ кажется, ясно, что и по современному понятію о

церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, подъ Церковью разумѣется не мѣсто, не стѣны церковныя, и, наконецъ, не видимое общество людей, именующихъ себя христіанами, но—живущіе въ этомъ обществѣ: божественная благодать, вѣра, законы и житіе, и, слѣдовательно, природа церкви и нынѣ разумѣется не земною, а небесной, и церковь земная понимается не иначе, какъ «купно», т. е. какъ часть церкви небесной. Итакъ: современное понятіе о церкви не расходится ни съ понятіями о ней Хомякова, ни съ древне-русскимъ о ней понятіемъ, ни съ словами Іоанна Златоуста, и патріарха Никона, которые, говоря, что церковь есть *нашими душами созданный домъ, законы церковные, вѣра и житіе*,—то именно и утверждали, что церковь земная есть не мѣсто, и не стѣны съ кровлею, а *общество вѣрующихъ* и *живущихъ* по *законамъ церковнымъ*.

Этимъ мы и ограничиваемъ пока свои возраженія г-ну Z, оставляя за собою право высказаться когда нибудь подробнѣе о вліяніи петровскихъ мѣропріятій на положеніе нашего чернаго и бѣлаго духовенства и на церковно-приходскую жизнь.

14 сентября 1891 г.

Напечатано въ «Благовѣстѣ» вып. 31, янв. 1892 г. и еще ранѣе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ ноябрьской книжкѣ 1891 г. съ такимъ заявленіемъ отъ редакціи этого журнала: «Редакція «Русскаго Вѣстника», помѣщая на страницахъ своего журнала статью г-на Z. (апрѣльская книжка сего года), сдѣлала выноску, въ которой заявляетъ, что статья эта «содержитъ любопытныя данныя по разсматриваемому въ ней предмету, такъ что и самыя возраженія, какія могутъ быть на нее сдѣланы, только могутъ яснѣе освѣтить вопросъ такого государственнаго и народнаго значенія». Это заявленіе несомнѣнно имѣетъ смыслъ приглашенія разрабатывать вопросъ, поставленный г-мъ Z., — статья котораго затронутаго въ ней важнаго вопроса собственно не разъясняетъ». Дѣло въ томъ, что редакція «Русскаго Вѣстника» напечатала статью г-на Z., уступая желанію вліятельныхъ въ Синодальномъ вѣдомствѣ особъ (впрочемъ, не духовныхъ, а свѣтскихъ), хотя сама съ содержаніемъ этой статьи не была согласна. Моя отповѣдь г-ну Z. предназначалась мною съ самаго начала для «Благовѣста» и еще въ сентябрѣ была уже одобрена для этого изданія духовнымъ его цензоромъ; но, узнавъ изъ бесѣды со мною, кто авторъ разбираемой мною статьи, г-нъ цензоръ поспѣшилъ зачеркнуть сдѣланную уже имъ разрѣшительную надпись и затѣмъ только черезъ три мѣсяца разрѣшилъ ее для «Благовѣста» уже какъ перепечатку изъ «Русскаго Вѣстника».

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.